

Референциальные свойства корякского глагола *ivək* 'сказать'
в устных нарративах*

Аннотация. В устных нарративах на корякском языке в конструкциях с глаголом *iv-ə-k* 'сказать' реализуются коммуникативные стратегии говорящего или слушающего. Стратегия говорящего связана с употреблением финитных форм, стратегия слушающего – с употреблением дативного конверба, характерного только для корякского языка. Стратегия говорящего может быть агентивно-ориентированной или адресатно-ориентированной. Стратегия слушающего проявляется в нескольких дискурсивных механизмах, связанных с прослеживанием референции или сменой фокуса референции. Выбор и предпочтение конкретных механизмов в рамках каждой стратегии частично определяются жанровой спецификой повествования, но в большей степени являются принадлежностью авторского стиля исполнителя.

The constructions with the Koryak verb *ivək* 'to say' show communicative strategies of the speaker or the listener. The strategy of the speaker is marked by finite forms, the strategy of the listener – by found only in Koryak unique dative converb. The strategy of the speaker can be agentive-oriented or addressee-oriented. The strategy of the listener is manifested in several discursive mechanisms of reference-tracking and reference shift. Choice and preference of specific mechanisms within each strategy are partly determined by the narrative genre but mostly belong to individual style of narration.

Ключевые слова: корякский язык, референция, прослеживание референции, диалог, глагол говорения, устный нарратив.

The Koryak language, reference, reference-tracking, dialogue, verb of speaking, oral narrative.

УДК: 811.551.3+81'42.

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Институт филологии СО РАН, Сектор языков народов Сибири. Тел.: (383)330-84-69. E-mail: alla.maltseva@mail.ru; gta-77@mail.ru.

Целью данного исследования является анализ референциальных свойств грамматических форм глагола *iv-ə-k* 'сказать', вводящих реплики референтов, изолированные или в моделируемых диалогах, в монологических устных автобиографических и фольклорных нарративах.

Материалом исследования послужила сплошная выборка форм глагола *iv-ə-k* 'сказать' из коллекций устных нарративов на двух говорах чавчуженского диалекта корякского языка, записанных авторами в 2010 г.¹:

на пахачинском говоре – исполнитель Лилия Александровна Аймык (корякское имя Лыг'атыңа, 1970 г.р., с. Верхние Пахачи), общий объем – около 10 тыс. словоупотреблений;

на ветвейском говоре – исполнитель Александра Алексеевна Кергильхот (корякское имя Ётты, 1951 г.р., с. Ветвей), общий объем – около 8 тыс. словоупотреблений.

В текстах Лилии Александровны Аймык глагол *iv-ə-k* 'сказать' в различных морфологических формах встречается 172 раза. Из анализа исключены фрагменты корякско-чукотского переключения кодов, когда Л.А. Аймык передает речь отца, этнического чукчи. В этих фрагментах насчитывается 16 форм чукотского имперфекта (*n-* – *-qin*) исследуемого глагола, которые при подсчете не учитываются, так как, возможно, имеют иную, чем в корякском языке логику референции. Таким образом, анализу подвергаются 156 корякских форм глагола *iv-ə-k* 'сказать'. Из них 100 форм – это финитные формы, 56 форм – инфинитные.

В текстах, записанных от Александры Алексеевны Кергильхот, обнаружено 170 форм глагола *iv-ə-k* 'сказать', 110 из которых финитные, 60 – инфинитные. Чукотские глагольные морфологические формы в ее речи не зафиксированы, все формы корякские.

1. Морфосинтаксическая характеристика корякского глагола *iv-ə-k* 'сказать'

Глагол *iv-ə-k* с одним и тем же значением 'сказать' имеется во всех чукотско-корякских языках, он входит к проточукотский лексический фонд [Fortescue 2005: 105].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-04-00108 «Устный и письменный автобиографический нарратив в референциальном аспекте (на материале корякского и аллоторского языков)»).

¹ Тексты частично опубликованы в [Голованева и др. 2012; Голованева, Мальцева 2013]. Полная коллекция текстов Л.А. Аймык в настоящий момент находится в печати [Голованева, Мальцева 2015], полная коллекция текстов А.А. Кергильхот готовится к печати.

По синтаксическим свойствам данный глагол относится к группе глаголов с вариативной моделью управления без изменения числа актантов [Кибрик и др. 2000: 265-267]. Он допускает две диатезы – переходную и непереходную, при этом изменение диатезы не маркируется морфологическим показателем в глаголе.

Несмотря на наличие непереходной и переходной реализаций, глагол *iv-ə-k* ‘сказать’ не входит в класс лабильных глаголов, который включает глаголы, удовлетворяющие нескольким требованиям [Летучий 2013: 28]:

- 1) имеют и переходную, и непереходную модели управления;
- 2) семантическая роль субъекта и семантика ситуации в целом при этих моделях управления различаются;
- 3) свойствами (1) и (2) обладают все морфологические формы этих глаголов;
- 4) противопоставленные диатезы не связаны как «полная» диатеза и диатеза с опущением референтного актанта, ясного из контекста или обобщенного актанта;
- 5) два употребления этих глаголов нельзя считать омонимичными лексемами.

Корякский глагол *iv-ə-k* ‘сказать’ удовлетворяет требованиям (1) и (5), однако как в переходной, так и в непереходной реализациях его полные модели управления будут содержать одинаковое число актантов: *кто* (Агенс) – *кому* (Адресат) и *что* (содержание речи) сказал, в то время как у лабильных глаголов переходная и непереходная реализации должны различаться числом актантов, что косвенно вытекает из свойства (4). Кроме того, некоторые морфологические формы глагола *iv-ə-k* ‘сказать’ всегда встречаются только в модели управления, характерной для непереходной реализации, что противоречит требованию (3). Ситуации, описываемые переходной и непереходной реализациями глагола *iv-ə-k* ‘сказать’, различаются скорее не семантикой, а коммуникативными стратегиями, выбираемыми говорящим, что не соответствует требованию (2).

Корякский язык, как все чукотско-корякские, является эргативным, поэтому переходная и непереходная диатезы глагола *iv-ə-k* ‘сказать’ имеют существенно различные полные модели управления:

<кто: **ABS** – кому: **DAT** – что: **Scompl** (прямая речь)> **Vitr**

<кто: **ERG (INSTR, LOC)** – кому: **ABS** – что: **Scompl** (прямая речь)> **Vtr**

В живой разговорной речи полные модели встречаются крайне редко, в основном реализуются в разной степени усеченные речевые варианты, которые более подробно рассмотрены ниже.

Соотношение между непереходной и переходной реализациями глагола *iv-ə-k* ‘сказать’ является немаркированным лишь по части близких к основе показателей залогового типа, но нельзя сказать, что оно полностью лишено морфологического выражения, поскольку классы переходных и непереходных глаголов в чукотско-корякских языках очень четко противопоставлены: непереходный глагол спрягается по моноперсональному (субъектному) типу, а переходный глагол – по биперсональному (субъектно-объектному) типу. Поэтому формально совпадают, морфологически не маркированы, т. е. не содержат никаких залоговых показателей или показателей актантной деривации типа каузатива или антипассива, только *основы* при переходной и непереходной реализациях глагола *iv-ə-k* ‘сказать’. При этом его финитные формы при переходной и непереходной реализациях формально будут различаться, поскольку они относятся к разным лично-числовым парадигмам.

2. Морфологические формы глагола *iv-ə-k* ‘сказать’ и связанные с ними коммуникативные стратегии

Наиболее частотными морфологическими формами в обоих исследованных корпусах текстов являются следующие три:

- финитная моноперсональная форма (непереходная реализация);
- финитная биперсональная форма (переходная реализация);
- неизменяемая форма дативного конверба.

Финитные формы у данного глагола есть во всех чукотско-корякских языках, они характерны для любого речевого модуса и имеют свободную референцию. Дативный конверб имеет гораздо более ограниченную дистрибуцию: он характерен только для корякского языка, встречается преимущественно в устной речи и имеет референцию только к 3-му лицу единственного числа (‘он’). А.Н. Жукова отмечает, что такие конвербы указывают на состояние, в котором находится субъект, они упот-

ребляются относительно редко, кроме формы *evəŋ*, которая обычно перед прямой речью «заменяет личную форму глагола *ивык*» [Жукова 1972: 270].

Наши материалы дают основание предполагать, что употребление трех указанных форм (финитной непереходной, финитной переходной и дативного конверба) в корякском языке связано с реализацией различных коммуникативных стратегий исполнителя (таблица 1).

Таблица 1

Коммуникативные стратегии употребления форм корякского глагола *iv-ə-k* ‘сказать’

Позиция		
Говорящего		Слушающего
Агентивно-ориентированная стратегия	Адресатно-ориентированная стратегия	
Vitr	Vtr	CV.dat

При употреблении финитной формы исполнитель моделирует реплику или диалог с позиции говорящего. Часто говорящим является сам исполнитель либо любое другое действующее лицо повествования. Главное, что исполнитель смотрит на происходящее глазами этого действующего лица.

В зависимости от избранной формы, моноперсональная (непереходная реализация) или биперсональная (переходная реализация), исполнитель, моделирующий реплику, может построить ситуацию говорения как агентивно-ориентированную или адресатно-ориентированную. Другими словами, он по своему усмотрению может выбирать фокус эмпатии, на который направлен «внутренний взор» говорящего. В ситуации говорения есть два участника: Агенса, тот, кто говорит, и Адресата, к которому направлена речь. При агентивно-ориентированной стратегии фокус эмпатии сосредоточен на говорящем, при адресатно-ориентированной стратегии – на собеседнике говорящего.

Исследование использования этих коммуникативных стратегий двумя исполнителями показало, что выбор стратегии не определяется дискурсивными свойствами агенса или адресата, коммуникативной перспективой высказывания или еще какими-либо прагматическими факторами – он является принадлежностью авторского стиля исполнителя, т.е. определяется сугубо субъективными речевыми привычками.

Из двух исследованных нами исполнителей (таблица 2) Л.А. Аймык отдает предпочтение агентивно-ориентированной стратегии (54 из 100 финитных форм глагола *iv-ə-k* ‘сказать’ в ее речи были непереходными), в то время как А.А. Кергильхот тяготеет к адресатно-ориентированной стратегии (79 форм глагола *iv-ə-k* ‘сказать’ из 110 финитных были переходными).

Таблица 2

Соотношение морфологических форм глагола *iv-ə-k* ‘сказать’ в корпусах текстов двух исполнителей

Морфологические формы	Тексты Л. Аймык		Тексты А. Кергильхот	
	Абс.	%	Абс.	%
Финитные моноперсональные (субъектные)	54	34,6	31	18,2
Финитные биперсональные (субъектно-объектные)	46	29,5	79	46,5
Дативный конверб (<i>ev-ə-ŋ</i>)	55	35,3	57	33,5
Отрицательный конверб (<i>iw-ke</i>)	–		2	1,2
Комитативный конверб (<i>yejq-iv-e</i>)	1	0,6	–	
Предикатив прошедшего времени (<i>y-iv-lin</i>)	–		1	0,6
Всего форм глагола <i>iv-ə-k</i>	156	100	170	100

Третья из частотных форм – дативный конверб глагола *ev-ə-ŋ* ‘говоря’ (сказать=E=CV.dat) – с нашей точки зрения, связана с моделированием реплик с позиции слушающего. Не случайно при данной форме в качестве говорящего возможен только референт 3-го лица единственного числа: в естественных условиях человек может слушать и эффективно воспринимать речь только одного говорящего. Причем для корякского языка ситуация, когда исполнитель моделирует собственную речь и при этом позиционирует себя как слушателя, т.е. слушает сам себя, невозможна. В этом случае всегда будет использоваться финитная форма 1-го лица, означающая, что исполнитель отождествляет себя с говорящим.

Примерно равная и при этом высокая частотность дативного конверба в речи обеих исполнительниц (55 и 57 употреблений соответственно) свидетельствует о том, что этот механизм, воспроизводящий ситуацию моделирования реплики или диалога с позиции слушающего, в устной речи на корякском языке очень востребован.

3. Референтные свойства моноперсональных форм глагола *iv-a-k* ‘сказать’

Чаще всего в непереходном употреблении глагол *iv-a-k* ‘сказать’ в речи обеих исполнительниц употребляется без каких-либо актантов (таблица 3). В таких высказываниях Агенс представляет собой Тему-данное и маркируется только лично-числовыми показателями глагола. Особенно такое употребление характерно для автобиографических рассказов, референтное разнообразие которых невелико, ограничивается самим нарратором и его ближайшими родственниками, поэтому в корпусе текстов Л.А. Аймык, где много автобиографических нарративов, процент использования непереходной формы глагола *iv-a-k* ‘сказать’ непосредственно при прямой речи очень высок. В текстах А.А. Кергильхот, часть из которых представляют собой мифологические или авторские сказки с менее предсказуемым составом референтов, таких употреблений несколько меньше.

Таблица 3

Речевые реализации модели управления глагола *iv-a-k* ‘сказать’ в непереходном употреблении

Речевые реализации модели	Тексты Л. Аймык		Тексты А. Кергильхот	
	Абс.	%	Абс.	%
<что: Scompl (прямая речь)> Vitr	48	88,9	21	67,7
<кто: ABS – что: Scompl (прямая речь)> Vitr	6	11,1	10	32,3
Всего примеров	54	100	31	100

Обращает на себя внимание отсутствие речевых реализаций с адресатным аргументом в виде именной группы. Вероятно, такие высказывания могли бы быть использованы в качестве ответа на вопрос «Кому ты/он сказал?», т. е. в них должен был бы маркироваться рематизированный адресат, однако более естественным при моделировании реплики является помещение в рему содержания речи, поэтому в наших материалах такие высказывания не встретились.

Наиболее частотными формами парадигмы (таблица 4), представляющими «коллективного говорящего», являются формы 3-го лица мн.ч. и 1-го лица мн.ч. Однако, это не означает, что при помощи этих форм моделировались ситуации одновременного, «хорового», говорения, имеется в виду, конечно, последовательное говорение разных референтов (в случае с 1-м лицом мн.ч. – в том числе и исполнителя), содержание их речи было сходным, что позволило исполнителю выйти на определенный уровень обобщения. Более высокая частотность форм 3-го и 1-го лица мн. числа в корпусе текстов Л.А. Аймык вполне закономерна, поскольку она описала большое количество культурно обусловленных событий: обрядов, ритуалов, промысловых действий, которые обычно сопровождаются типовыми репликами, общими в рамках данной культуры.

Таблица 4

Моноперсональные финитные формы глагола *iv-a-k* ‘сказать’ в текстах двух исполнительниц

Лично-числовые формы	Тексты Л. Аймык		Тексты А. Кергильхот	
	Абс.	%	Абс.	%
1sg	13	24,1	11	35,5
2sg				
3sg	4	7,4	4	12,9
1du				
2du				
3du	1	1,9	1	3,2
1pl	3	5,6	1	3,2
2pl				
3pl	33	61,1	14	45,2
Всего форм	54	100	31	100

Агентивный актант в виде именной группы в форме абсолютива возможен только для передачи Темы-нового. Рассмотрим пример из текста Л. Аймык [Голованева, Мальцева 2015: текст 11, предл. 1-7].

1.1 Найтогым гыммо.	Я родилась.
1.2 Ыччеҕ гымнин нынныт: Лыг'атыҥа то Г'иҥки.	У меня два имени: Лятына и Инки.
1.3 Г'иҥки гайтолэн, мыев' пыче найтогым то гымнин мынгылҥын лав'тэтыҥ гинэкмиллин.	Инки родился, потому что ещё [когда] я родилась, моя рука за голову держалась.
1.4 Лэв'ыт ныйыччыҕэн и мынгылҥын.	Голова красная и рука.
1.5 И, майҥанма, ҕонпыҥ тыкойымгымгатыҥ моторэтыҥ, вертолётэтыҥ.	И, взрослея, всегда я боялась моторов, вертолётов.
1.6 ҕонпыҥ тыкочейҥычейыҥ.	Всегда сильно плакала.
1.7 Эньпич то ылла эв'ҥывогыг'э: «Гэҕлин ыньҥыг'ан китыҥ?»	Отец и мать стали говорить: «Почему так происходит?»

Нас интересует последнее предложение данного текстового фрагмента.

en'rič to əlla ew=ηəvo=yəhe
отец.ABS.sg и мать.ABS.sg сказать=INCH=3duS.PFV

ye=jeq=lin ən'ηəhan k=it=ə=η
PP=что=3sgS так PRES=быть=E=PRES
Отец и мать стали говорить: «Почему так происходит?»

Глагол *iv-ə-k* 'сказать' в нем употреблен в моноперсональной форме. Рассказчица моделирует реплику с позиции говорящего, в данном случае – двоих говорящих, ее отца и матери. Возможность построить высказывание с позиции слушающего здесь исключена, так как исполнительница не могла слышать эту реплику лично, в то время она была слишком мала. Вероятно, каждый из родителей по-своему рассказывал эту историю, когда Л.А. Аймык уже была в сознательном возрасте, упоминая и вопрос, который они задавали друг другу и всем окружающим, пока не нашли ответ: нужно сменить имя ребенка. Именные группы в абсолютиве представляют собой Тему-новое, высказывание начинается с нового фрагмента текста, является общеинформативным и отвечает на общий диктальный вопрос: «Что произошло (далее)?»

4. Референтные свойства биперсональных форм глагола *iv-ə-k* 'сказать'

Та же стратегия преимущественного использования усеченных речевых реализаций модели управления характерна и для переходных употреблений глагола *iv-ə-k* 'сказать' (таблица 5).

Таблица 5

Речевые реализации модели управления глагола *iv-ə-k* 'сказать' в переходном употреблении

Речевые реализации модели	Тексты Л. Аймык		Тексты А. Кергильхот	
	Абс.	%	Абс.	%
<что: Scompl (прямая речь)> Vtr	33	71,7	28	35,4
<кому: ABS – что: Scompl (прямая речь)> Vtr	6	13	15	19
<кто: ERG – что: Scompl (прямая речь)> Vtr	5	10,9	33	41,8
<кто: ERG – кому: ABS – что: Scompl (прямая речь)> Vtr	–	–	1	1,3
<кому: DAT – что: Scompl (прямая речь)> Vtr	2	4,4	1	1,3
<что: ABS> Vtr	–	–	1	1,3
Всего примеров	46	100	79	100

Полное отсутствие маркировки предметных аргументов именными группами в большей степени свойственно речи Л.А. Аймык, у А.А. Кергильхот таких случаев встречается в два раза меньше. Расширенные реализации модели с включением одного аргумента (агенса или адресата) в текстах Л.А. Аймык

редки, а А.А. Кергильхот использует их часто, особенно вариант с агентивным аргументом. У А.А. Кергильхот несколько раз встречается и полная реализация переходной модели. Это определяется жанровым составом корпуса текстов А.А. Кергильхот: значительную его долю составляют мифологические и авторские сказки, поэтому часто моделируются диалоги между отдельными единичными референтами или обращение единичных референтов к группе лиц. Поскольку все эти референты 3-го лица, то для предотвращения референциального конфликта или для введения нового референта использование именных групп необходимо.

Рассмотрим зачин одного из текстов, записанных от А.А. Кергильхот [Голованева и др. 2012: текст 15, предл. 1-5].

- 2.1 Айңон муйыкнутэк, туйнутэк, мучгин айңон Давно на нашей земле, на новой земле, наша
нытуйқин нутэнут, тэньмав' кымыңыпиль. земля давно новой [была], совсем ребенок.
- 2.2 Витко-о гэг'уев'линэв' г'уемтэв'илг'у. Только-только появились люди.
- 2.3 Утту уйңэ ятан яқ_ еқникэ_ яқпычиқ нитын. Нет деревьев, никакой птицы нету...
- 2.4 Ыньыг'ан Этынва кив'ынин Мити то И вот Бог говорит Мити и Кыуйкынеку: «Я
Кыг'уйкынеку: «Гымнан туйи тынтоңвав'тык, вас двоих создал, теперь вы птиц создайте».
ыннақ точгынан пычиқав' ғынтоңвавыткы».

әнијәһан et=ә=nv=a k=iw=η=ә=nin
так быть=E=NMLZ.loc=INSTR PRES=сказать=PFV=E=3sgA+3P

miti to kәhujk=ә=nequ
Pers.ABS.sg и Pers=E=AUG.ABS.sg

үәм=nan тuj=i t=ә=n=toңv=aw=tәk
я=ERG вы=ABS.du 1sgA=E=CAUS=создаваться=VBLZ=2nsgP

‘И вот Бог (букв.: место существования) сказал Мити и Кыуйкынеку: «Я вас двоих создал...»’

В последнем предложении фрагмента агентивный и адресатный аргументы употреблены в виде именных групп, что в данном случае вполне закономерно, так как единственным введенным до этого личностным референтом, который потенциально может участвовать в ситуации говорения, был коллективный референт «люди» (предл. 2). В предложении (4) этот референт как Тема-новое возобновляется в виде денотативно тождественной введенному коллективному референту группы референтов (Мити и Кыуйкынеку), которая выступает в роли адресата. Одновременно вводится новый агентивный референт «Бог», который оформляется в виде именной группы в инструментальном падеже.

В полном соответствии с преобладающей агентивно-ориентированной стратегией в текстах Л. Аймык из транзитивных форм наиболее частотны формы, включающие 1-е лицо единственного числа, т.е. нарратора, либо в качестве агенса (первая строка таблицы б), либо в качестве пациенса (первый столбец таблицы б), поскольку в корпусе текстов Л.А. Аймык преобладают автобиографические рассказы, главным действующим лицом которых является она сама.

Таблица 6

**Биперсональные финитные формы глагола *iv-ә-k* ‘сказать’
в текстах Л. Аймык**

		П а ц и е н с								
		1sg	2sg	3sg	1du	2du	3du	1pl	2pl	3pl
А	1sg			11						1
	2sg			1						1
г	3sg	11		6			3			
	1du									
е	2du									
	3du									
н	1pl									
	2pl									
с	3pl	6		2			3			1
	Всего форм	46								

В текстах А. Кергильхот (таблица 7) преобладают биперсональные формы 3SgA+3P с суффиксом *-nin / -nen*, вводящие реплику единичного референта, обращенную к одному или нескольким адресатам.

Таблица 7

**Биперсональные финитные формы глагола *iv-ə-k* ‘сказать’
в текстах А. Кергильхот**

		П а ц и е н с								
		1sg	2sg	3sg	1du	2du	3du	1pl	2pl	3pl
А	1sg		1	19						2
	2sg			2						
г	3sg	4		31						
	1du									1
е	2du									
	3du									
н	1pl			1						
	2pl									
с	3pl	2		11				3		1
	Всего форм	78								

5. Референтные свойства дативного конверба *ev-ə-ŋ* ‘говоря’

Важнейшим свойством дативного конверба *ev-ə-ŋ* ‘говоря’, является то, что, несмотря на отсутствие личных показателей, он всегда имеет референцию только к 3-му лицу единственного числа и не может относиться ни к множеству референтов, ни к группам референтов, включающих говорящего (‘мы’) или адресата (‘вы’).

Судя по модели управления (таблица 8), в форме дативного конверба *ev-ə-ŋ* ‘говоря’ глагол *iv-ə-k* ‘сказать’ всегда реализуется только как непереходный. Примерно равные доли составляют его употребление непосредственно при прямой речи без предметных аргументов и употребление с агентивным аргументом. Отсутствие примеров с адресатным аргументом при дативном конвербе *ev-ə-ŋ* ‘говоря’, вероятно, связано с его полной референтной определенностью: адресатом реплики, вводимой дативным конвербом, всегда является исполнитель, один или в группе других лиц.

Таблица 8

**Речевые реализации модели управления глагола *iv-ə-k* ‘сказать’
в употреблении в форме дативного конверба**

Речевые реализации модели	Тексты Л. Аймык		Тексты А. Кергильхот	
	Абс.	%	Абс.	%
<кто: ABS – что: Scompl (прямая речь)> Vcv	25	45,5	31	54,4
<что: Scompl (прямая речь)> Vcv	30	54,5	25	43,9
<кому: DAT – что: Scompl (прямая речь)> Vcv	–		1	1,7
Всего	55	100	57	100

Данная инфинитная форма, зафиксированная исключительно в корякском языке, помимо моделирования речи с позиции слушающего, выполняет важные дискурсивные функции, связанные с прослеживанием агентивной референции или со сменой агентивного референта (таблица 9).

Таблица 9

Дискурсивные функции дативного конверба *ev-ə-ŋ* ‘говоря’

Функции дативного конверба	Тексты Л. Аймык		Тексты А. Кергильхот	
	Абс.	%	Абс.	%
Сохранение агентивной референции (говорящий он ₁).	26	47,3	19	33,3
Введение одиночной (первой) реплики (говорящий он ₁).	18	32,7	8	14,0
Смена фокуса агентивной референции в моделируемом диалоге (говорящий он ₁ > говорящий он ₂).	5	9,1	22	38,7
Смена фокуса агентивной референции в моделируемом диалоге (говорящий я > говорящий он).	6	10,9	8	14,0
Всего употреблений	55	100	57	100

Как правило, без агенса в виде именной группы данный конверб может использоваться для сохранения агентивной референции (говорящий он₁) или для смены фокуса агентивной референции в моделируемом диалоге (говорящий я > говорящий он).

С агенсом в виде именной группы конструкции с дативным конвербом используются для введения одиночной (первой) реплики единичного референта (он₁) или для смены фокуса агентивной референции в моделируемом диалоге (говорящий он₁ > говорящий он₂).

По частотности в текстах Л. Аймык преобладает функция сохранения агентивной референции, а у А. Кергильхот – функция смены фокуса агентивной референции в моделируемом диалоге.

Рассмотрим фрагмент текста Л.А. Аймык «Священные места» [Голованева, Мальцева 2015: текст 18, предл. 8-11]:

3.1	<i>И</i> гымнин қылавол виг'ылг'ын эвың в'ача: «Ёёчыко мытыткэв'ла, <i>и</i> гыткат найңынойтың, мыев' ёёпэль ныппулюңин.	И мой муж покойный сказал как-то: «В палатке мы ночевали, и ноги [были] на улице, потому что палаточка маленькая.
3.2	<i>И</i> гыткат гымнин найңын котваңэ, ныкита еқэ тэбын уттыпилляқа <i>или</i> выг'ая нэқунньгычгэв'ңынэв' гымнин гыткат.	И ноги мои на улице были, ночью как будто кто-то веточкой или травой щекотал мои ноги.
3.3	Унмык тычаңэтатык, – эвың, – тыелқив'ык ёёчыкойтың».	Сильно я испугался, – говорит, – я влез внутрь полога».
3.4	То ңаен чачамэ, Эминэнин ңэвг'эн, ңаен Эмановна эвың: «Кытыл мильқычыку, титэ в'утку ваккы, титэ ңойың яяллаңтык, кытыл ңанко эткив'кэ, мыев' ңанко калаг'ав' котвалаң, коёналлаң».	И та старушка, Эминина жена, та Эмановна сказала: «Не надо в балагане, когда вы находитесь тут, когда сюда приезжаете, не надо там ночевать, потому что там злые духи находятся, живут».

и үәм=нин қәлавол vih=ә=лһ=ә=н ev=ә=ң waça
я=POSS.sg муж.ABS.sg умереть=E=ATR=E=ABS.sg сказать=E=CV.dat иногда

И мой муж покойный говоря однажды:

jo=jo=čәko мәт=ә=tkew=ла *и* үәтка=t ңәјңәно=јтәң
полог=полог=IN 1nsgS=E=ночевать=PL нога=ABS.du снаружи=LAT
«В палатке мы ночевали, и ноги наружу,

mәjew jo=jo=peļⁱ n=ә=ppulⁱu=qin
потому что полог=полог=DIM.ABS.sg QUAL=E=маленький=3sgS
потому что палатка маленькая.

и үәтка=t үәм=нин нәкі=та jeq=e teqән
нога=ABS.du я=POSS.sg ночь=INSTR что=INSTR словно

И мои ноги ночью чем-то, будто

utt=ә=piļⁱ=ļⁱaq=a *или* vәhaj=a
дерево=E=DIM=AUG=INSTR трава=INSTR
веточкой или травинкой

ne=ku=n=ni үәсү=ew=ң=ә=ne=w
LowA=PRES=CAUS=щекотать=VBLZ=PFV=E=3nsgP
щекотали.

unmәk t=ә=čәңet=at=ә=k ev=ә=ң t=ә=jelqiw=ә=k
сильно 1sgS=E=страх=VBLZ=E=1sgS.PFV сказать=E=CV.dat 1sgS=E=войти=E=1sgS.PFV

jo=jo=čәko=јтәң
полог=полог=IN=LAT
Я сильно испугался, – [он] говоря, – влез в палатку».

to ηaj=en џаџame emiηe=nin ηewhe=n
и tot=REL.sg старушка.ABS.sg Pers=POSS.sg жена=ABS.sg
И та старушка, жена Эмине,

ηaj=en эминовна ev=ə=η
tot=REL.sg сказать=E=CV.dat
та Эминовна говоря:

kətəl mil¹q=ə=čəku <...> e=tkiw=ke
пусть не вешала=E=IN CV.neg=ночевать=CV.neg
«Не надо на балагане ночевать,

məjew ηan=ko kalaha=w ko=jonal=la=η
потому что там=LOC злой дух=ABS.pl PRES=жить=PL=PRES
потому что там злые духи живут».

В этом фрагменте, воспроизводящем беседу, в которой сама Л.А. Аймык участвовала в качестве слушателя, для разных коммуникативных задач трижды используется дативный конверб.

В первой реплике с помощью дескрипции вводится нарратор «муж» (он₁). Второе употребление дативного конверба связано с сохранением данной референции. В последнем случае сложной дескрипцией вводится новый нарратор «Эминовна» (он₂) и маркируется переход фокуса агентивной референции с (он₁) на (он₂).

В отдельных случаях нулевая анафора возможна и при смене фокуса агентивной референции (он₁>он₂). При этом потенциальный референциальный конфликт может усматриваться только извне культуры. Для коренных носителей культуры смена действующего лица очевидна, так как они точно знают, кто в данной ситуации должен говорить, а кто – молчать и слушать. Показателен фрагмент из текста Л. Аймык [Голованева, Мальцева 2015: текст 6, предл. 65, 66].

4.1	Айҗон, янотыҗ, җайчейпык, майҗычейпык пыкыйык җалвылыг'эпыҗ туйг'уемтэвилг'у копкэйляҗ җалвылыг'эпыҗ, җойҗын нэкуенҗын җалвылыг'эпыҗ ынпыҗлаволэтыҗ, тит нэнунин, нэтаваҗнин ынин вэтгыйҗын алакин.	Давно, раньше, ранней осенью, осенью по прибытии из табуна молодые люди приходили, хвост приносили из табуна старику, чтобы он съел, попробовал [и оценил] его летнюю работу*.
4.2	Мэтг'аҗ начг'ыҗин җойҗын ееньҗынин, эвыҗ: «Мэтг'аҗ гыччи, <i>молодец</i> , мэтг'аҗ вэтатэ».	Хорошо, [если] жирный хвост принесёт, [старик] скажет: «Хорошо ты, молодец, хорошо работал».

metha=η n=ačh=ə=qin ηojη=ə=n
красивый=ADV.dat QUAL=жирный=E=3sgS хвост=E=ABS.sg

je=jen¹=η=ə=nin ev=ə=η metha=η
POT=принести=PFV=E=3sgA+3P сказать=E=CV.dat красивый=ADV.dat

үэҗҗи *молодец* metha=η vet=at=e
ты.ABS.sg красивый=ADV.dat работа=VBLZ=3sgS.PFV

Во втором предложении этого фрагмента происходит перенос фокуса агентивной референции с референта «юноша» (он₁), любого из введенной группы «молодые люди», на референта «старик» (он₂). Хотя буквальный перевод этого предложения «...жирный хвост принесет, говоря: «Хорошо ты, молодец, хорошо работал»» диктует прочтение с сохранением референции (кто приносит, тот и говорит), однако здесь описывается в высокой степени культурный обусловленная ситуация: хвост оленя всегда приносит юноша, а вербальную оценку дает старик, и это понимается без повторного введения референта «старик» с помощью именной группы.

Следующий фрагмент [Голованева, Мальцева 2015: текст 15, предл. 3-4] иллюстрирует смену фокуса агентивной референции в моделируемом диалоге (говорящий я > говорящий он).

- 5.1 Ылла гымнин тыкив'нын: «Гээзлин лэв'ыт маме я говорю: «Почему голова всегда бо-
 җонпың кутг'ылың?» лит?»
- 5.2 Эвың: «Анам гэюлтылин. Говоря: «Наверное, сдвинулась».

əlla **yəm=nin** **t=ə=k=iv=ŋ=ə=n**
мать.ABS.sg **я=POSS.sg** **1sgA=E=PRES=сказать=PFV=E=3sgP**
 Маме моей я=говорю=ей:

ye=jeq=lin lewət qonpəŋ ku=thəl=ə=ŋ
 PP=что=3sgS голова.ABS.sg всегда PRES=болеть=E=PRES
 «Почему голова всегда болит?»

ev=ə=ŋ anam ye=jult=ə=lin
сказать=E=CV.dat вероятно PP=сдвигаться=E=3sgS
 [Она] говоря: «Вероятно, сдвинулась».

Реплика говорящего-нарратора «я» введена с помощью адресатно-ориентированной финитной формы. Адресат «мать» представляет собой Тему-новое и вводится с помощью дескрипции. Поскольку моделируется диалог между двумя участниками, в ответной реплике происходит смена говорящего (я>он), и первый говорящий (я) с очевидностью выступает в качестве слушающего. Эта ответная реплика предваряется дативным конвербом *ev-ə-ŋ* 'говоря', агентивный референт «мать» в виде именной группой не возобновляется, поскольку потенциальный говорящий 3-го лица единственного числа в ситуации был только один.

Тот же механизм используется и в случае ответной реплики неизвестного адресата. Рассмотрим фрагмент из текста А.А. Кергильхот [Голованева и др. 2012: текст 9, предл. 42-45]:

- 6.1 Тыкивың: «Мэнно, эчги в'утку җав'г'ытг'ыпиль Я сказала: «Где она, сейчас здесь собачку
 тыччильн? Мэнно?» отпустила? Где она?»
- 6.2 А омкычыкоңжо эвың: «Чаккэ! В'отыннолайгом. А из леса говоря: «Сестра! Вот он я».

t=ə=k=iv=ə=ŋ me=nno eçyi wut=ku
1sgS=E=PRES=сказать=E=PRES part=он теперь вот=LOC
 Я говорю: «Где она, сейчас здесь»

ɲaw=həth=ə=pil' t=ə=ççil=ə=n me=nno
женщина=собака=E=DIM 1sgA=E=отпустить=E=3sgP part=он
 собачку я отпустила? Где она?».

a o=mk=ə=çəko=ŋqo **ev=ə=ŋ**
 дерево=группа=E=IN=ABL **сказать=E=CV.dat**
 А из леса [он] говоря:

çakke wot=ənnola=jyom
 сестра вот=он=1sgS
 «Сестра, вот он я».

Первая реплика говорящего «я» строится с использованием агентивно-ориентированной стратегии. Поскольку адресат неизвестен, выбирается финитная форма в непереходной реализации. Ответная реплика вводится дативным конвербом *ev-ə-ŋ* 'говоря' без обозначения говорящего в виде именной группы: он не виден, неизвестен, однако это референт 3-го лица единственного числа.

Выводы

В коряжском языке в конструкциях с глаголом *iv-ə-k* 'сказать' реализуются коммуникативные стратегии говорящего или слушающего.

Стратегия говорящего связана с употреблением финитных форм, стратегия слушающего – с употреблением дативного конверба, характерного только для коряжского языка.

Стратегия говорящего не имеет ограничений по модусу: встречается в равной мере и в письменной, и в устной речи, стратегия слушающего более востребована в устной речи.

Стратегия говорящего может быть агентивно-ориентированной или адресатно-ориентированной.

Стратегия слушающего проявляется в нескольких дискурсивных механизмах, связанных с прослеживанием референции или сменой референции.

Выбор и предпочтение конкретных механизмов в рамках каждой стратегии частично определяются жанровой спецификой повествования, но в большей степени являются принадлежностью авторского стиля исполнителя.

Условные обозначения

1 – 1-е лицо деятеля; **2** – 2-е лицо деятеля; **3** – 3-е лицо деятеля; **A** – агенс действия; **ABL** – аблатив; **ABS** – абсолютив; **ADV.dat** – наречие, показатель которого восходит к дативу; **ATR** – атрибутив; **AUG** – аугментатив; **CAUS** – каузатив; **CV.dat** – деепричастие, показатель которого восходит к дативу; **CV.neg** – отрицательное деепричастие; **DIM** – диминутив; **DU, du** – двойственное число; **E** – эпентетический гласный; **ERG** – эргатив; **IN** – локализация ‘внутри’; **INCH** – инхоатив; **INSTR, instr** – инструменталис; **LAT, lat** – латив; **LOC, loc** – локатив; **NMLZ** – номинализатор; **NSG, nsg** – неединственное число; **P** – пациенс действия; **part** – частица; **Pers** – имя собственное; **PFV** – перфектив; **PL, pl** – множественное число; **POSS** – посессивное прилагательное или местоимение; **POT** – потенциалис; **PP** – причастие прошедшего времени; **PRES** – настоящее время; **QUAL, qual** – качественное прилагательное или наречие; **REL** – относительное прилагательное или местоимение; **S** – субъект действия; **SG, sg** – единственное число; **VBLZ** – вербализатор; = – знак деления словоформы на морфемы.

Голованева Т.А., Мальцева А.А., Пронина Е.П. Тексты на корякском языке, записанные от А.А. Симоновой // Экспедиционные материалы по языкам народов Сибири (1995–2012). Новосибирск, 2012. С. 3-72.

Голованева Т.А., Мальцева А.А. Тексты на корякском языке (чавчувенский диалект, пахачинский говор) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 2 (Вып. 25). Новосибирск, 2013. С. 6-48.

Голованева Т.А., Мальцева А.А. Языки корякской культуры: Лилия Аймык. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2015 (в печати).

Жукова А.Н. Грамматика корякского языка. Л., 1972. 323 с.; *Летучий А. Б.* Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянской культуры, 2013. 384 с.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьева И.А. Язык и фольклор аллоторцев. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 468 с.

Fortescue, M. Comparative Chukotko-Kamchatkan Dictionary. Berlin and New York, Mouton de Gruyter, Trends in Linguistics Documentation, 23, 496 p.